

вается на чисто народный склад рассказа, местами же переходит в народный песенный стих.

Намечается иногда и глагольная рифма: «Во цепечкой земле у крестьянина живет, кони и всякай скот пасет» (л. 122). Непроизвольно возникают в речи внутренние созвучия; например: «стала рушить и кушати» (л. 115 об.). Не раз вводятся в рассказ народные пословицы: «Не рожден не сын, не окуплен не холоп» (л. 112 об.).

Приближаясь по складу речи к народной эпической песне, заимствуя от нее медлительный и мерный ритм, принимаемая порой стихотворный лад, усваивая при этом песенные же формы слов (протяжные окончания прилагательных: златоперых, теплым, чесных, царским, крабчих и пр.), текст этого памятника является как бы пограничным между книгой и былинной (о Соломоне и Василии Окуловиче).

Наряду с этим рассказ нередко приобретает отрывистость и живость народной разговорной речи с ее просторечием («ужастился», «что не дела баеши», «не устоял на ногах», «к деревенскому мужику в пустую избу» и пр.), напоминая запись устной сказки. Если некоторые эпизоды повести «Красного сборника» стоят на границе с былинной, то другие страницы ее непосредственно граничат со сказками, с фольклорными пересказами легенды о царе Соломоне.

Особенностями стиля этот текст настолько отличается от обычной формы старорусской книжности, что, нужно думать, он вышел из-под пера не обыкновенного переписчика, копировавшего готовый оригинал, а писца-импровизатора, излагавшего хотя бы отчасти по памяти, наизусть. При таком предположении становятся понятными и все отклонения этого текста в сторону былины и сказки: писец «Красного сборника», перелагая известный ему сюжет «своими словами», невольно впадал в традиционный тон сказителей и сказочников. Отрываясь от своего рукописного оригинала, писец вносил много изменений, вставок и эпических распрощаний.

Этим объясняется и наличие в повести «Красного сборника» различных бытовых добавлений, характеризующих своеобразно-реалистическую тенденцию пересказа. Таковы упоминания об «окрестных помещиках», удивляющихся мудрости мальчика Соломона, о дворянах, о «гостиной сотне», «гостином сотнике», «гостиной жене», попадье, боярыне, вострыне (вместо «боярина», фигурирующей в других списках), о «флаках», которыми украсили свои корабли заморские купцы, — деталь, отсылающаяся бытовой обстановкой XVIII в.

Сравнительный анализ собранных вариантов былины о Соломоне и Василии Окуловиче показал, что она жила и передавалась в народе в течение нескольких веков, начиная, по крайней мере, с XVI столетия. Из рукописных же текстов сказаний о царе Соломоне большее сходство с устно-народными версиями обнаруживают «младшие» списки, явившиеся во всяком случае позже XVI в. Они, очевидно, сами испытали фольклорное воздействие, особенно сильное в редакции «Красного сборника». Говорить об обратном влиянии этих позднейших, уже фольклоризированных редакций и списков повести о Соломоне на издавна уже сложившуюся былинку, утверждать, что они «перешли в былинку», нет достаточных оснований.

Романический сюжет о приключениях царя Соломона и его неверной жены, разработавшийся параллельно с рукописной повестью и былинной, в равной (если не большей) мере был облюбован также и сказками. При этом старина о Василии Окуловиче не могла быть родоначальницей сказок о Соломоне уже по той причине, что в некоторых из них рассказ о бег-